

К 200-летию

Отечественной войны 1812 года

*Васькин А.А.,¹ член Союза писателей
Москвы, член Союза журналистов Мос-
квы, лауреат Горьковской литератур-
ной премии*

«ПЫЛАЙ, ВЕЛИКАЯ МОСКВА!»

Об обстоятельствах московского пожара 1812 года

Тяжелым испытанием в жизни Москвы стал катастрофический пожар, начавшийся в городе 2 сентября 1812 г., вскоре после вступления в него французской армии. Мысль о том, что Москва может быть сожжена, допускали многие генералы русской армии. Но нигде в официальных документах, исходящих будь то от генерал-губернатора Ростопчина или фельдмаршала Кутузова, не найдем мы прямых указаний поджечь город. Однако это подразумевалось. В частности, еще 1 сентября командующий арьергардом русской армии генерал Милорадович получил от Кутузова приказ об оставлении Москвы, а также письмо, которое необходимо было доставить начальнику штаба французской армии – маршалу Бертье. Этим письмом согласно действовавшим тогда обычаям все оставшиеся в городе русские раненные препоручались под покровительство французов.

Уже на следующий день Милорадович вызвал к себе корнета Федора Акинфова и велел ему ехать к передовым позициям французов, чтобы не только передать послание Кутузова, но и на словах сказать от имени Милорадовича следующее: «Мы сдаем Москву, и я уговорил жителей не зажигать оной с тем условием, что французские войска не войдут в нее, доколе не пройдет через нее мой арьергард». Прошло не так много времени, и гонец вернулся обратно. Он рассказал, что французы и даже сам Наполеон на предложение Милорадовича согласны: пусть русские уходят, лишь бы они не подожгли Москву.

Сожжение Москвы казалось, видимо, вполне логичным после сожжения Смоленска. Недаром после его оставления русской армией 12 августа 1812 г. Ростопчин писал Барклаю: «Когда бы Вы отступили к Вязме, тогда я возьмусь за отправление всех государственных вещей и дам на волю убираться, а народ здешний, следуя русскому правилу: *не доставайся злодею*, обратит город в пепел, и Наполеон получит вместо добычи место, где была столица. ...Он найдет пепел и золу». В подтверждение своих слов Ростопчин непосредственно перед сдачей Москвы приказал вывезти из города все средства пожаротушения, чтобы бороться с огнем было нечем. Из города вывезли две тысячи сто человек пожарной команды и почти все пожарные трубы. А то, что не успели вывезти, граф велел испортить.

В своей книге «Правда о пожаре Москвы» Ростопчин не слишком откровенен, умалчивая наиболее интересующие нас факты об организации поджога Москвы. И у него есть на то основания: зачем писать о том, чему нет материального, т.е. бумажного подтверждения? Распоряжения о поджогах в те безнадёжные дни давались им лишь на словах. Никаких пись-

¹ Васькин Александр Анатольевич – историк Москвы, писатель, журналист, лауреат Горьковской литературной премии 2008 г. в номинации «По Руси» (краеведение). Автор книг «Спасти Пушкинскую площадь», «Я не люблю московской жизни, или Что осталось от пушкинской Москвы», «От Волхонки до Знаменки», «От снесенного Военторга до сгоревшего Манежа», «Монастыри Москвы», «Московский университет на Моховой» и других, а также более ста публикаций, исследований, очерков на тему исторического прошлого российской столицы.

менных предписаний «не могло и быть потому, что мы всегда получали словесные приказания и равномерно доносили словесно», так рассказывал квартальный надзиратель И. Мережковский, посылавшийся Ростопчиным на разведку в захваченный французами город.

Ценнейшим источником для потомков является опубликованная ныне «Записка» бывшего следственного пристава Прокофия Вороненко, написанная им в 1836 г. Этот чиновник привлекался Ростопчиным к организации московских пожаров 2 сентября 1812 г. Вот что он сообщает: «2-го сентября в 5 час. пополудни он (Ростопчин – *авт.*) поручил мне отправиться на Винный и Мытный дворы, в Комиссариат и на не успевшие к выходу казенные и партикулярные барки у Красного холма и Симонова монастыря, и в случае внезапного наступления неприятельских войск стараться истреблять все огнем, что мною и исполнено было в разных местах ... до 10 часов вечера».

Итак, Москву запалили уже в тот же день, как французы вошли в нее. Не успели французские генералы занять лучшие дома на Тверской улице и заняться переименованием городских площадей, как над многими районами появились клубы дыма. Прежде всего загорелись склады с провиантом – на Никольской, Варварке, около Каменного и Яузского мостов, в Китай-городе, на Покровке и Солянке, в Лефортово...

Русские солдаты со слезами наблюдали, как гибнет в огне оставленная ими матушка-Москва. «Около полуночи, – вспоминал много лет спустя участник войны Иван Липранди, – с час спустя после нашего отправления из лагеря, как пожар Москвы, обозначившийся накануне одним только дымом, здесь явился уже в ужасной, но величественной картине. Ни с чем не сравнимая картина эта невольно заставила нас остановиться, устремив глаза на зарево, отделяющееся черною полосой от города, покрытого огнем, переливающимся с одного места на другое и временами возвышаясь внезапно».

А. Ф. Смирнов. «Пожар Москвы». 1810-е гг.

А теперь дадим слово самому Наполеону: «Сначала пожар казался неопасным, и мы думали, что он возник от солдатских огней, разведенных слишком близко к деревянным домам. На следующий день огонь увеличился, но еще не вызвал серьезной тревоги. Я вы-

ехал верхом и сам распоряжался его тушением. На следующее утро (3 сентября. – А.В.) поднялся сильный ветер, и пожар распространился с огромной быстротой. Сотни бродяг, нанятые для этой цели, рассеялись по разным частям города и спрятанными под полами головешками поджигали дома, стоявшие на ветру. Это обстоятельство делали напрасными все старания потушить огонь. ...Оказалось, что большинство пожарных труб испорчено. Их было около тысячи, мы нашли среди них, кажется, только одну пригодную. Кроме того, бродяги, нанятые Ростопчиным, бегали повсюду, распространяя огонь головешками, а сильный ветер помогал им».

Наполеон весьма достоверно описывает события: сожжение города действительно было организовано самими москвичами. Еще одним невольным соучастником поджога стал сильнейший ветер.

Пожар бушевал всю неделю и затих к 8 сентября. Возвращаясь в Кремль, французский император не узнал Первопрестольную: «Москвы – одного из красивейших и богатейших городов мира – больше не существует!». Прекрасные гостиницы, роскошные особняки и дворцы, отливавшие золотом своих куполов соборы – все то, что так пленило французов, обратилось в пепел. «Дым от пожарища густыми облаками окутал солнце, превратив его в кроваво-красный диск. Нельзя было различить направления улиц, лишь остовы каменных дворцов сохранили некоторые очертания того, чем они были раньше: очищенные от угля и пепла, эти остатки нового города походили скорее на остатки древностей», – переживал француз Лабом. Московский пожар провел большую и жирную черту в истории города, отныне все, построенное в нем, разделялось границей – до и после 1812 г.

Но у пожара было и положительное свойство: французская армия лишилась зимней стоянки, на которую так рассчитывала после изнурительного похода: «Мы были господами Москвы, а между тем нам приходилось уходить из нее без всяких жизненных припасов и располагаться лагерем у ее ворот!», – писал граф де Сегюр. Все те огромные запасы продовольствия, что не удалось эвакуировать из Москвы, о которых с радостью докладывали Наполеону его генералы 2 сентября, оказались поглощены невиданным огнем и полностью уничтожены.

*Портрет графа Ф.В. Ростопчина
кисти О.А. Кипренского, 1809 г.*

Генерал-губернатор Ростопчин мог быть доволен: следуя «русскому правилу», Москва не досталась злодею, обратившись в пепел и золу. Было понятно, что долго в городе французы не пробудут. Уже в 20-х числах сентября началась эвакуация французских раненых в Смоленск. Вслед за ними захватчики повезли и то, что успели наgrabить.